

УДК 9

DOI 10.21661/r-497050

В.А. Ермаков

КОНЦЕПЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация: в работе проведена историографическая реконструкция концептуального обоснования террористической войны в России пореформенного периода. Концепция террористической войны рассматривается как альтернатива концепции российского освободительного движения. На основе исторических свидетельств «русских правых» проанализированы объективные предпосылки формирования концепции террористической войны. Показано, что в черносотенной литературе содержались основные определения революционного террора как тотальной войны, направленной на уничтожение русского национального государства. Приведены психодиагностические характеристики террористов русскими психиатрами. Рассмотрены историографические работы современных авторов патриотического направления, в которых была переосмыслена и дополнена концепция террористической войны, разрабатывавшаяся в черносотенной публицистике. Проанализированы статистические данные и исторические свидетельства современников о руководящей роли революционного еврейства в террористической войне. Рассмотрена проблема формирования активных участников и руководителей террористических организаций из черты оседлости, а также проблема спонсирования и идеологической поддержки антирусского террора спецслужбами западных стран. Затронут вопрос о способах и методах сопротивления русского народа революционным бандформированиям. Даны основные характеристики концепции террористической войны как антирусской, антигосударственной, преступной деятельности. В результате автор приходит к выводу, что концепция российского освободительного движения является паллиативной, идеологически односторонней, русофобской и не отражает объективных процессов антирусского террора. И, наоборот,

концепция террористической войны позволяет исследователям раскрыть исторически достоверные факты и подойти к объективному изучению причин и специфики феноменологии терроризма в России.

Ключевые слова: революционный террор, террористическая война, освободительное движение, черносотенцы, революционный психоз, рецидив терроризма, статистика жертв террора, финансирование терроризма, черта оседлости, методы террористов, русское сопротивление террору.

V.A. Ermakov

CONCEPT OF TERRORIST WAR IN RUSSIA DURING AFTER-REFORM PERIOD

Abstract: *the work carried out a historiographic reconstruction of the conceptual justification of the terrorist war in Russia of the post-reform period. The concept of a terrorist war is seen as an alternative to the concept of the Russian liberation movement. On the basis of historical evidence of the «Russian Right», objective preconditions for the formation of the concept of a terrorist war are analyzed. It is shown that the Black-Hundred literature contained the basic definitions of revolutionary terror as a total war aimed at the destruction of the Russian national state. The psychodiagnostic characteristics of terrorists by Russian psychiatrists are given. The historiographic works of modern authors of the patriotic direction are reviewed, in which the concept of a terrorist war developed in black-hundred journalism has been rethought and supplemented. The author analyzed the statistical data and historical evidence of contemporaries about the leading role of revolutionary Jewry in a terrorist war. The reveals the issue of the formation of active participants and leaders of terrorist organizations from the the Jewish Pale, as well as the problem of sponsorship and ideological support of anti-Russian terror by the special services of Western countries. The author raised a topic concerning the ways and methods of resistance of the Russian people to revolutionary gangs. Given the main characteristics of the concept of a terrorist war as an anti-Russian, anti-state, criminal activity. As a result, the author comes to the conclusion that the concept of the Russian liberation movement is palliative,*

ideologically one-sided, Russophobic and does not reflect the objective processes of anti-Russian terror. Conversely, the concept of a terrorist war allows researchers to uncover historically accurate facts and approach an objective study of the causes and specifics of the phenomenology of terrorism in Russia.

Keywords: *revolutionary terror, terrorist war, liberation movement, Black Hundreds, revolutionary psychosis, relapse of terrorism, statistics of victims of terror, financing of terrorism, residency, methods of terrorists, Russian resistance to terror.*

Концепция «террористической войны в России» в научном отношении важна тем, что она не только является альтернативой концепции «российского освободительного движения», но и меняет наши представления о сути исторических процессов, связанных с политической историей пореформенного периода, с историей подготовки и свержения русской власти. Поэтому представляется научно значимым исследовать данную концепцию на предмет исторической объективности и достоверности основных положений, выводов и оценок авторов – создателей рассматриваемой концепции.

Подчеркнем: в марксистской и в современной либеральной историографии терроризма в России не прослеживаются принципиальных различий. Как в марксистской, так и в либеральной историографии все основные исследовательские проблемы терроризма в России пореформенного периода рассматриваются в рамках марксистско-ленинской теории «российского освободительного движения». Либеральные историки 1990-х – 2000-х гг., исследовавшие проблемы терроризма в России, не смогли выйти за концептуальные рамки теории «российского освободительного движения», в которой, по-прежнему, наряду с «героизацией» и оправданием террора («боевая рать революции», «рыцари террора», «крестоносцы социализма») отмечается исторически «прогрессивное» значение российской революционно-террористической деятельности в целом.

В специальных работах по изучению терроризма в России, таких либеральных историков, как: К.В. Гусева, Р.К. Баландин, О.Г. Будницкий, Г.С. Кан, О.Н. Квасов, М.И. Леонов, К.П. Морозова, М.Д. Одесский, Н.А. Троицкий, Д.М. Фельдман,

Е.И. Щербакова отсутствует исследование иных, альтернативных взглядов на проблемы терроризма [1 – 11]. Общим местом в историографическом подходе вышеназванных авторов является практически полное исключение из рассмотрения взглядов черносотенцев на террор, а также любые упоминания о роли еврейского сообщества в организации революционного террора в России.

В современной отечественной историографии терроризма в России дореволюционного периода сложилась противоречивая ситуация. Очевидна полярность исследовательских оценок. Так, террористический акт 1 марта 1881 года – убийство «царя-освободителя» Александра II – профессор О.В. Будницкий оценивает как «величайшее достижение террористов» [1, с. 16]. С другой стороны, в оценках историков-патриотов, например, в исследовании О.А. Платонова, – «цареубийство 1881 года – страшное преступление против русского народа» [12, с. 371].

Более того, либеральные историки и публицисты унаследовали от историков марксистов идеи морального оправдания антирусского террора, идею возвеличивания образов «убийц-террористов». Историк Р.К. Баландин в главе о революционерах-террористах с названием «Скорее ангелы, чем бесы» пишет следующее: «трагедия царской России была не в том, что авторитет трона и православия подрывали революционеры и атеисты. Все, как раз наоборот. Подрывали... устои российской государственности... нечестные, подлые, неумные и алчные сторонники. А умные, бескорыстные, честные противники существующей власти способствуют укреплению Отечества... большинство революционеров, народников и народовольцев были именно такими» [3, с. 319].

Чтобы ввести нравственную оценку терроризма приведем конкретные примеры из истории террористической деятельности «умных, бескорыстных, честных... революционеров». «Революционеры вешали мелких государственных чиновников... бросали предателей в баки с кипящей водой... прибалтийские революционеры уродовали тела своих жертв и вырезали ругательства на трупах убитых ими российских военных... они пытали до смерти полицейских агентов и вырезали их языки в качестве символического жеста» [34, с. 238 – 239].

«Особым ритуалом революционные бандиты производили убийство русских священников. В Ялте в 1905 г. за бесстрашные обличения, царивших тогда в городе революционных настроений в своем доме на глазах у жены и трех малолетних сыновей заколот кинжалом о. Владимир Троепольский... В с. Городищи Царицынской области 30 ноября 1906 г. также в своем доме убит священник о. Константин Хитров. Убийцы не пощадили никого из его домашних: о. Константин, его матушка, пятилетний сын Сергей и малолетний Николай – все были найдены с проломленными черепами. В 1910 г. в Тифлисе убит экзарх Грузии архиепископ Никон» [13, с. 12]. «Шайка злоумышленников напала на хутор землевладельца Кваска и убила его; другой землевладелец притворился мертвым. Чтобы удостовериться в смерти, злоумышленники скальпировали его; он выдержал испытание и остался жив» [46, с. 502].

Данные сведения в основном приводятся исследователями из отчетов Департамента полиции и такого исторического источника как «Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом». Вышедшая в 1908 – 1914 гг. в 14 томах «Книга Русской Скорби» включает исторические очерки о деятельности народных героев (от великих князей до простых людей), «умученных и убиенных» революционными банд-группами.

Вполне очевидно, что нравственное измерение, морально-нравственные оценки революционно-террористической деятельности, содержащиеся в работах современных либеральных историков, не выдерживают никакой критики и со всей необходимостью должны быть пересмотрены.

Наряду с моральным оправданием дореволюционного терроризма в России в исследованиях либеральных историков прослеживается тенденция рассмотрения терроризма как такого исторического явления, которое было имманентно русской нации, и которое идейно и духовно вызрело в русской общественно-политической мысли и в русском общественном движении. С другой стороны, в сочинениях историков и писателей патриотического направления террор рассматривается как антирусский исторический феномен, привнесённый в Россию западными революционными идеологиями и навязанный русскому народу.

Таким образом, поляризация исследовательских оценок феноменологии революционного терроризма в Российской империи пореформенного периода позволяет нам вполне правомерно обратиться к изучению исторических аспектов формирования концепции террористической войны в России, разработка и утверждение которой в общественном сознании постепенно становится предметом современных исторических исследований.

Становление изучаемой концепции началось в 1990-е годы. Затем в 2000-х – 2010-х годах, особенно после публикации книги А.И. Солженицына «Двести лет вместе» (2001 г.) произошла активизация исследований проблем террора против русской имперской власти [14]. В это время выступили известные деятели русского патриотического движения: В.В. Большаков, В.И. Бояринцев, Е.Ф. Глушков, Р.Т. Ключник, Ю.Е. Козенков, М.В. Назаров, О.А. Платонов, Н.В. Стариков, В.Е. Шамбаров [15 – 24]. В исследованиях указанных авторов постепенно реконструировались взгляды на террор представителей правых дореволюционных партий и параллельно происходило обоснование концепции «террористической войны в России».

Большое значение в становлении концепции «террористической войны» имели исследования черносотенных организаций Российской империи, представленные в работах: Ю.И. Кирьянова, В.В. Кожина, С.В. Лебедева, А.Д. Степанова, С.А. Степанова, Д.И. Стогова и др [25 – 29]. Также для понимания темы важны энциклопедические сборники по черносотенному движению [30 – 32].

В 2010-х годах появились исторические исследования, сами названия которых ясно утверждали рассматриваемую концепцию: «Война с внутренним врагом» (О. Платонов 2012 г.); «Террористическая война в России 1878 – 1881 гг.» и «Вторая террористическая война в России 1901 – 1906 гг.» (Р. Ключник, 2017 г.); «Террористическая война против империи» (С. Куликов, Д. Зыкин, 2018 г.) [19; 20; 22; 33].

В современной западной историографии проблем дореволюционного терроризма в России осуществляется постепенный отход от концепции «освободительного движения». Это хорошо видно на примере работы американской

исследовательницы Анны Гейфман, в исследовании которой представлена критика революционной деятельности «убийц-террористов» и раскрыт психологический образ революционера «нового типа», т.е. революционера, ставшего патологическим уголовником с устойчивым рецидивом к насилию [34].

Вполне очевидно, что начиная с работ историков-марксистов и вплоть до работ современных либеральных историков обнаруживается тенденция сокрытия исторической правды об основных аспектах революционного террора в России. Что конкретно замалчивается, скрывается от «непосвященных» в проблематику так называемого «терроризма в российском освободительном движении»?

К замалчиваемым, скрываемым проблемам можно отнести следующие:

– проблема доминирования революционеров из среды еврейского сообщества в руководстве всех революционно-террористических партий России и отсюда проблема вторичной, подчиненной роли этнически русских террористов в планировании и осуществлении террористических актов;

– проблема контрабандной переправки через границу, запрещенной литературы, оружия и взрывчатки, а также подготовка и спонсирование террористов представителями «черты оседлости»;

– проблема втягивания или «совращения» революционерами из среды революционного еврейства русских подданных в террористическую деятельность (в первую очередь, студенчества и молодежи);

– проблема подготовки и переброски террористов в Россию спецслужбами США, Англии, Германии, Австро-Венгрии, Турции, Японии и других стран;

– проблема участия национальных еврейских партий в террористической деятельности против русского правительства;

– проблема тесной взаимосвязи движения сионистов с российскими террористическими организациями;

– проблема финансирования терроризма в России международными иудео-масонскими организациями, а также еврейскими банковскими кланами;

– проблема антитеррористических народных погромов как ответной реакции русского народа на беспрецедентный террор против «истинно русских людей»;

– проблема социальной направленности террора: не только против правительства, но и против всех сословий царской России, против русского народа в целом.

В общем виде рассмотрение обозначенных проблем составляет историческое содержание концепции «террористической войны». Автор, не претендуя на достаточно полное исследование приведенной выше проблематики, проводит историографическое обобщение наиболее значимых, малоизученных аспектов терроризма в России пореформенного периода, представленной в черносотенной и современной патриотической литературе.

Становление концепции «террористической войны в России» в трудах черносотенцев. Основные положения рассматриваемой концепции стали формулироваться русскими мыслителями право-монархического лагеря после 1 марта 1881 года – со времени цареубийства Александра II. Затем эти положения формулируются наиболее активно в годы первой антирусской революции (1905 – 1907) и далее вплоть до февральской (масонской) и октябрьской (большевистской) антирусскими революциями 1917 года. В 1918 году «террористическая война» в России переросла в «массовый революционный террор», сочетавшийся с геноцидом русского народа. Осмысление этих событий, спасшиеся русские монархисты, которых не успели расстрелять «еврейские большевики», продолжили в эмиграции.

«Русские правые»: В.А. Величко, А.С. Вязигин, П.Ф. Булацель, Г.В. Бутми, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, Н.Н. Жеденов, Г.Г. Замысловский, Д.И. Иловайский, П.А. Крушеван, А.Д. Нечволодов, Б.В. Никольский, Н.Е. Марков, М.О. Меньшиков, К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, С.А. Нилус, А.С. Шмаков и др. на страницах печати активно противостояли революционному террору направленному против русской государственной власти, начало которого исследователи относят к 1866 году – «выстрел Каракозова» – первое покушение на императора Александра II, а высшее проявление терроризма – к революционным событиям 1905 – 1907 гг., когда террор охватил практически всю страну [35 – 46].

Во взглядах и оценках представителей правого лагеря на террор в России прослеживаются две особенности. Во-первых, рассмотрение различных проблем

террора проводилось «русскими правыми» с государственно-правовых и религиозно-этических позиций того времени, ими давалась правовая и моральная (православная) оценка феномена терроризма. Во-вторых, «русские правые» доказывали, что организацией террора в России, планированием и проведением террористических актов, его финансированием и вооруженным обеспечением занимается мировое еврейское сообщество – как российские подданные еврейской национальности, так заграничные иудео-масонские организации.

Д.И. Иловайский: Террор как фактор «поработительного еврейского движения». Д.И. Иловайский (1832 – 1920) – русский историк, по учебникам которого, учились несколько поколений российских гимназистов высказывал убеждение, что «русские «нигилисты и социалисты» – только «грубое, нередко бессознательное орудие», что их направляют на преступления «не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, русской национальности... Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно те грубые, бессмысленные орудия, которые действительно уловлялись в сети с помощью социальной пропаганды, которые сами не знали, для какого дела, для каких целей они служили орудием» [2].

Революция 1905 года была воспринята Д.И. Иловайским с негодованием. «В ней историк не преминул отметить и непропорциональную еврейскую составляющую, ставшую, по его мнению, движущей силой смуты. «Пора бы русскому обществу очнуться от угара, который наслали на него органы... печати, вот уже года три нагло уверяющие, что в России происходит якобы освободительное движение в смысле гражданской свободы, – писал он в октябре 1907 года в статье с характерным названием «Поработительное еврейское движение» [30, с. 542].

Д.И. Иловайский – одним из первых черносотенцев сформулировал тезис о «поработительном», а не об «освободительном» характере русской революции и считал, что исторически безграмотные русские люди, оторвавшиеся от национальных и религиозных основ бытия русского народа, «обманом» были втянуты «инородцами» в революционный террор.

В.А. Грингмут: Первичная роль еврейских революционеров-террористов и вторичная, «подчиненная» роль русских революционеров-террористов. В.А. Грингмут (1851 – 1907) – педагог, публицист, один из лидеров право-монархического движения, организатор и руководитель Русской Монархической Партии, также как историк Д.И. Иловайский, обратился к изучению проблемы «втягивания» евреями-экстремистами в террор русских людей. В статье «Русский и еврейский элементы в нашей революции» В.А. Грингмут писал следующее: «Кто же соблазняет этих наивных, близоруких, впечатлительных русских людей? Да все те же евреи, сочиняющие социально-революционные прокламации и пускающие в них те мыльные пузыри для того, чтобы заманить в свои крамольные ряды русских невежественных мечтателей» [37, с. 288 – 289].

В.А. Грингмут различал цели русских революционеров и цели евреев революционеров. Он полагал, что русские революционеры «заражаются фанатизмом евреев и даже смело идут на преступления, для того чтобы добыть евреям равноправие, то они это делают потому, что желают играть эффективную роль «героев освободительного движения», не осознавая, что это движение имеет своей непосредственной целью порабощение Русского народа под тяжелое, невыносимое еврейское ярмо» [37, с. 289]. В общем виде В.А. Грингмут пришел к следующему выводу: «Русская революция по своему происхождению и по своим целям есть революция чисто еврейская. Русские революционеры сыграли в ней... лишь эпизодическую роль» [37, с. 293].

Объективные данные историков и публицистов, изучавших проблемы революционного террора в России, во многом подтверждают тезис вождей «черной сотни» о «совращении» в террористическую деятельность русских людей и о доминировании евреев в революционном движении.

М.М. Арцибашев в книге «Грядущая гибель России» (1908 г.) отмечал: «Среди подвергнутых арестам государственных преступников 1/3 составляли евреи (при 1/25 населения империи). В целом на 100 тыс. русских приходилось 4 человека, привлеченных к судебной ответственности по политическим делам, а на 100 тыс. евреев – 38 привлеченных» [29, с. 151].

А.И. Солженицын на основе подлинных свидетельств современников и историков приводит следующие статистические данные по революционному еврейству: «Лурье Ларин сообщил нам: «В царских тюрьмах и ссылке евреи обычно составляли около четверти всех арестованных и сосланных»... историк М.Н. Покровский оценивает по данным различных съездов, что евреи составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{4}$ организаторского слоя всех революционных партий... В 1903 Витте во встрече с Герцлем указал, что составляя менее 5% населения России, 6 миллионов из 136, евреи рекрутируют из себя 50% революционеров. Командующий Сибирским Военным Округом генерал Н.Н. Сухотин составил на 1 января 1905 года статистику политических поднадзорных по всей Сибири по национальностям. И оказалось: русских...42%... евреев 37%... поляков 14%... Еще интересна там другая строка: «в том числе скрывшихся»: и здесь процентное соотношение меняется так: русских – 17%, евреев – 64%, остальных – 19%» [14, с. 237].

Лидирующая роль евреев в терроризме подтверждается также известными террористическими проявлениями. Так, в 1889 году в якутской тюрьме, в Верхоянске был вооруженный бунт политических ссыльных: «Вместе с Н. Зотовым, сделавшим первый выстрел в вице-губернатора, были приговорены к смертной казни Л. Коган-Бернштейн и А. Гаусман. К бессрочным каторжным работам... О. Минор... А. Гурвич... М. Брамсон, М. Брагинский, М. Фундаминский, М. Уфланд, С. Ратин, О. Острович, Софья Гуревич, Вера Гоц, Полина Перли... по суду за тот бунт прошло 26 евреев и 6 русских» [14, с. 230].

Психиатры П.А. Сикорский и Н.И. Ковалевский: Революционный террор как феномен «массовой истерии». В связи с проблемой «сращения» в террористическую деятельность, обозначенной «русскими правыми», необходимо рассмотреть психологический аспект «подготовки кадров» в среде террористов.

Как психиатры начала XX века, так и современные психиатры вполне объективно доказали существование «трансляции», «переноса» психических и социальных деструкций между людьми и внутри различных социальных образований («эпидемия психических отклонений», «трансляция неврозов», «психическое заражение», «психопатическое умоисступление» и др.). Поэтому, рассматривая

вопрос о «совращении» в террор, необходимо учитывать сверхвысокую способность среди представителей еврейского сообщества к суггестивному воздействию (внушению, навязыванию) своих взглядов людям иного культурного и психического типа, а также исторически выработанные евреями навыки гипноза и другие оккультно-мистические способности.

Русские черносотенцы неоднократно подчеркивали феномен психического «заражения» и «одурачивания» психологически неустойчивых русских революционеров представителями революционеров из «черты оседлости». В связи с этим В.П. Величко отмечал: «Умение одурачивать иноплеменников и гипнотизировать их в желанном направлении у еврейских интеллектуалов прямо феноменальное» [35, с. 293].

Также следует отметить: в психиатрической литературе описаны такие патологии как «мания революции», «революционный психоз», «мания прогресса». Особенно выделяют так называемый «индуцированный психоз» – когда бредовые состояния психики вызваны и развиваются под влиянием другого лица или группы лиц.

Русские психиатры конца XIX – начала XX века первоначально, как и многие русские интеллигенты, относились весьма сочувственно к революционерам и даже были случаи укрывательства преступников под видом больных в психиатрических лечебницах. Затем, после революционных событий 1905 – 1907 гг., осознав всю глубину социальной патологии революционного движения, русские психиатры пришли к однозначному определению психологической типажности революционеров как «психопатов».

Психиатр П.А. Сикорский писал: «Современное политическое движение содержит значительную долю психопатии... Состояние действующей... революционной партии... представляется далеко ненормальным... Все эти революционные процессы соответствуют массовой истерии» [46, с. 304].

Психиатр Н.И. Ковалевский по вопросу о значительном количестве психических заболеваний среди арестованных категорически заявил: «душевные заболевания среди арестованных вновь удостоверяют ставший уже научным факт,

что революция создается людьми ненормальными и зараженными психозом» [46, с. 305].

Следует отметить, что террористы умышленно выискивали и вербовали в свои ряды психически неполноценных подданных российской империи: «лидеры экстремистов, несомненно знавшие о связи психических заболеваний с насилием, привлекали к террористической деятельности эмоционально неполноценных лиц, которых медицинские эксперты того времени признавали «безусловными дегенератами» [34, с. 233].

Психопатический образ революционера-террориста, описанный русскими психиатрами, получил свое подтверждение в тяжелых суицидальных и иных патологиях террористов. «Аптекман... в одиночке... не далек был от помешательства... Бети Каминская... лишилась рассудка... приняла яд, умерла. У Моисея Рабиновича в одиночке... появились галлюцинации...затем сошел с ума и умер... Лейзер Цукерман достиг Нью-Йорка и вскоре застрелился там... Нахам Левенталь... выпил серной кислоты и бросился в реку... Григорий Гольденберг, бестрепетно убивший харьковского губернатора... кончил с собой» [14, с. 225].

Психопатический рецидив терроризма, фанатизм террористов (фанатик в переводе с греческого – самоубийца), психофизический тип «вырожденца» можно проследить на примере известной террористки из партии эсеров – Фрумы Фрумкиной.

Вот какое описание личности террористки дает исследователь: «Сама Фрумкина была черная как галка, с неопрятными сальными волосами да еще вдобавок хромая..., она еще в 1902 г. хотела убить минского жандармского полковника...намеревалась убить... в Одессе градоначальника графа П. Шувалова... была арестована... посажена в тюрьму. Там она раздобыла где-то ножик и потребовала разговора с начальником киевской полиции генералом Новицким, якобы для признания... тот стал записывать, Фрумкина, кинувшись к нему схватила его за волосы и хотела перерезать горло. Новицкий с силой отбросил ее к стене. По шее текла кровь... в 1907 г. ее арестовали в Большом театре с револьвером в

сумочке. Она намеревалась убить московского градоначальника Рейнбота. В Бутырке она ранила начальника тюрьмы. Казнена летом 1907 г.» [50, с. 291].

Таким образом, с учетом психиатрического аспекта терроризма, взгляды Д.И. Иловайского, В.А. Грингмута и других «русских правых» на проблему «совращения» русских людей в террористическую деятельность революционерами из среды радикального еврейства представляются во многом убедительными и доказательными.

П.А. Крушеван: «Террор – это война». П.А. Крушеван (1860 – 1909) – писатель и журналист, депутат II Государственной Думы в 1906 году, осмысливая революционные события 1905 – 1906 гг. в статье «Это война» писал следующее: «Оглянитесь назад на два позорных года... и скажите разве хоть одна война в мире давала такой ужасный итог? Вспомните вереницу государственных людей, погибших от рук убийц-террористов, вспомните Великого князя Сергея Александровича, В.К. Плеве, генерал-губернатора Бобрикова, пермского губернатора Богдановича, генерал-губернатора Жолтановского, тверского губернатора Слепцова..., адмирала Чухнина, генерала Козлова..., целый ряд градоначальников, начальников жандармских управлений, полицмейстеров, исправников, приставов и тысячи солдат, и тысячи городских и стражников» [40, с. 615].

Отметим: определение террора как «войны» не являлось изобретением черносотенной публицистики. Сами революционеры в своих антиправительственных сочинениях оценивали свою террористическую деятельность как «войну». Известный террорист С.М. Степняк-Кравчинский, убивший 4 августа 1878 года в Петербурге шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцева писал о терроре следующее: «На наших глазах совершается явление поистине необыкновенное, быть может единственное во всей истории: горсть смелых людей объявляет войну насмерть всемогущему правительству... она одерживает над ним одну за другою несколько кровавых побед» [1, с. 48].

Значимыми доводами в доказательство тезиса о терроре как «войне», направленной не только против правительства, но и против русского народа могут служить следующие методы террористической деятельности:

– практика террористов по расстрелу «крестных ходов», убийства русских чиновников и полицейских в их собственных квартирах на глазах близких;

– появление «безмотивников-террористов», использование русских женщин и детей в качестве «живого щита», революционные погромы русских родовых поместий и усадеб, убийства видных русских педагогов и служащих министерства просвещения, убийства известных земских деятелей, убийства священников и членов их семей;

– «забрасывание бомбами» собраний черносотенцев, взрывы бомб в православных церквях, взрывы полицейских участков, вооруженные нападения на воинские части, почтовые вагоны и железнодорожные станции;

– убийства *«истинно русских»* – это терминологическое определение было введено террористами для обозначения именно тех русских, которые активно противостояли террору и были убежденными монархистами (стоит отметить, что террористы на своих тайных собраниях вначале определяли русского человека как «истинно русского», а затем выносили ему «смертный приговор»).

Простые русские люди из низших сословий, решившие противостоять террору, самоорганизовывались и выходили с «крестными ходами» (молебнами, хоругвями, иконами), совершая религиозный обряд о «спасении Отечества». В это время террористы, устраивавшие демонстрации с красными флагами, открывали стрельбу по невооруженным молящимся и бросали бомбы в участников «крестных ходов». Расстрел «крестных ходов» был одним из методов «уличной революционной борьбы».

Подчеркнем: в то время как русские Церкви становились центрами духовного противостояния терроризму, Синагоги становились центрами организации террора. Например, «в синагогах Ростова-на-Дону и Нахичевани часто собирались экстремисты, активисты отрядов еврейской самообороны, открывали беспорядочную стрельбу на улицах, среди жертв при этом было и несколько детей», – отмечает исследователь [15, с. 213].

Постепенно, по мере расширения террора, появляется категория «безмотивников-террористов», которые полагали, что убивать следует не правительствен-

ных чиновников, а любых обеспеченных русских («буржуев» в понятиях террористов). Поэтому террористические акты происходили в дорогих ресторанах, в вагонах первого класса, в залах дворянских собраний и других местах, где собиралась респектабельная русская публика.

В определении террористической деятельности как «войны» имеет важное значение исследование количественного состава террористических банд-групп. По оценкам О.А. Платонова «общее количество членов революционных банд-формирований составляло не менее 100 тыс. человек. Более половины из них были чистой воды уголовники» [23, с. 5]. Террористы рассматривали преступный мир, как часть «революционной среды», и полагали, что уголовники всех мастей не просто грабят и убивают, а ведут «борьбу с деспотизмом».

Ю.Ю. Козенков отмечал: «В 1900 – 1902 годах в США было подготовлено 10 000 человек, в основном евреев, выходцев из России. В их задачу входило: получив вооружение и профессиональную подготовку, вернуться в Россию для террора и уничтожения империи. Большую часть средств на эти цели выделил еврейский миллионер и сионист Яков Шифф и другие еврейские банкиры США. Они же финансировали и революцию в России 1905 года и войну Японии с Россией» [18, с. 142 – 143].

Таким образом, стотысячная «армия» террористов, имеющая финансовую, идеологическую и вооруженную поддержку со стороны внешних врагов России вела террористическую войну на тотальное уничтожение русского православного государства.

П.Ф. Булацель: «Террор как средство перехода от «еврейской революции» к «революции русской». П.Ф. Булацель (1867 – 1919) – присяжный поверенный, публицист и общественный деятель, член Главного совета «Союза Русского Народа», редактор газеты «Русское знамя» (расстрелян органами ЧК в 1919 г.) подчеркнул, что революционный террор и революция в России могут перейти от «еврейской революции» к «русской революции». С его точки зрения: «Евреи объявили, что не прекратят в России революции, пока им не будет дано равноправие... Если правительство теперь уступит евреям, то всему миру будет ясно,

что Россией управляют трусы и успокоения все равно не наступит. Правда, евреи прекратят на время свою революцию, но тогда начнется русская революция, и еще больший вопрос, которая из революций будет ужасней» [36, с. 109].

Проблема исторических этапов революции в России, поставленная П.Ф. Булацелом, опровергает известный ленинский тезис об «интернациональном единстве и преемственности» революционного движения в России. Необходимо рассматривать национальные интересы тех или иных участников антирусского террора. Без учета организации революции евреями-террористами и без анализа соотношения еврейского и русского революционного элемента практически невозможно осмыслить политическую сущность революционных процессов.

А.С. Шмаков: «Русский народ в своей массе ни телом, ни душой не причастен к этой революции, направленной против Царя, России и русского народа, и наименование «русская» менее всего к ней приложимо». А.С. Шмаков (1852 – 1916) – присяжный поверенный, известный адвокат, публицист и общественный деятель, активный участник право-монархического движения. Подчеркнем: только за чтение и хранение книг А.С. Шмакова в годы Гражданской войны «еврейские большевики» расстреливали русских людей.

А.С. Шмаков, исследуя преступления революционеров-террористов, обращался к анализу статистических данных «Журнала Министерства Юстиции», где публиковалась «статистика государственных преступлений». Процитируем общие социологические выводы русского юриста относительно периода 1901 – 1904 годов.

«В составе населения Империи евреев – 4,2 проц.; в числе же привлеченных за последний период по политическим делам евреи составляют 29,1 процентов, то есть в семь раз больше их процента в населении. Православные (русские) составляют 73,2 проц. Населения Империи, в числе же привлеченных за трехлетний период по политическим делам они составляют 51,2 проц., то есть, почти в полтора раза меньше своего процента в населении. Остальные 19,7 проц. Падают на прочих инородцев, главным образом – поляков и литовцев (14,4 проц.). Составляя едва двадцать пятую часть населения Империи, евреи заняли без малого

третью часть всех политических преступников. На 100.000 русского населения приходится 4,4 привлеченных к судебной ответственности по политическим делам, а на 100.000 еврейского населения один политический преступник приходится на 2.600 человек. Таким образом, евреев-революционеров в десять раз больше, чем русских» [46, с. 471].

Статистические данные о политических преступлениях в православной империи, публиковавшиеся Министерством юстиции Российской империи, интересовали впоследствии исследователей в 1990-е годы. А. Ноэми на базе опубликованных материалов провел подробный социологический анализ политических экстремистов по религиозному составу (в Российской империи подданный определялся не по национальности, а по вероисповеданию). Так, согласно автору, за период 1901 – 1903 гг. статистика лиц, привлеченных к судебной ответственности за государственные преступления, показывала следующее [47, с. 460].

Вероисповедания	Абсолют. число	% преступников	% населения
Православных	3999	52,2	73,2
Сектантов	72	0,9	1,6
Католиков	1124	14,4	9,2
Протестантов	194	2,3	3,5
Армяно-григор.	75	1,0	0,9
Иудеев	2269	29,1	4,2
Магометан	42	0,6	0,7
Остальных	24	0,5	0,4
Всех	7796	100	100

Общие выводы автора по изучаемой статистике были следующие: «процент участия евреев в 6 раз превышает их % общего населения... среди еврейских политических преступников находится наибольший % женщин... на каждую сотню приходится 19, 6% женщин... большее число евреев, привлеченных за политические преступления падает на черту оседлости» [47, с. 461 – 462].

Н.Е. Марков: Каким «способом» было возможно прекратить антирусский террор? Н.Е. Марков (1866 – 1945) – лидер право-монархического движения, председатель Главного Совета «Союза Русского Народа», лидер фракции правых III и IV Государственных Дум, находясь в эмиграции, в книге «Войны темных сил» (1928 г.) пришел к выводу, что революционный террор и насильственный

захват власти в России «иудо-большевиками» были не только «войной» против русского государства, но и «войной против христианства» в целом. Н.Е. Марков, как и многие видные представители русской эмиграции, ставил вопрос: какие силы были главными в деле разрушения исторической России и что возможно было сделать для предотвращения революции.

В статье «История еврейского штурма в России» Н.Е. Марков подчеркнул: именно «в иудеях Союз русского народа видел главных врагов России и борьбу с еврейским засильем считал своей прямой задачей. Союз русского народа никогда не устраивал еврейских погромов... Они разжигались стихийно... К одиночному террору Союз русского народа прибегал в редких случаях... Известны убийства иудеев Герценштейна в Финляндии, Иолласа в Москве и Караваева в Харькове. Как ни редки были эти случаи, на иудеев они произвели в свое время громадное воспитательное впечатление... Теперь, мысленно озирая все происшедшее в России, я спрашиваю: не лучше ли было устранить какую-нибудь сотню-другую виднейших зачинщиков революции и тем спасти десятки миллионов жизней безвинно погибших и тем спасти Россию?» [41, с. 400].

В.В. Шульгин: «Освободительное движение как движение антипатриотическое, антигосударственное, антирусское». В.В. Шульгин (1878 – 1976) – политический и общественный деятель, депутат II – IV Государственных Дум, активный участник право-монархического движения, один из лидеров Всероссийского Национального Союза.

В 1929 году, в Париже В.В. Шульгин издал книгу «Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России», где давал оценку «освободительному движению» как «антипатриотическому, антигосударственному и антирусскому» и подчеркивал, что основным лозунгом этого движения в период русско-японской войны было «пораженчество».

«Во главе этого будто бы освободительного движения, которое на деле несло России рабство стояли евреи... всюду и везде – в собраниях, союзах, организациях, манифестациях, съездах... заправилами явными или скрытыми были евреи... Когда собралась Государственная Дума... появилась так называемая

«ложка печати», то иные остряки немедленно окрестили ее «чертой оседлости»... – итак, делал вывод русский мыслитель, – «еврейство завладело политической Россией» [49, с. 44 – 45].

А.Д. Нечеволодов: «Международное иудео-масонское спонсирование терроризма в России». А.Д. Нечеволодов (1864 – 1938) – генерал-лейтенант русской армии, разведчик, военный и общественный деятель, историк, публицист. В 1906 году генерал А.Д. Нечеволодов был направлен в Западную Европу для выполнения разведывательной миссии по изучению сети масонских организаций и их связей с японской разведкой. После октябрьской революции, находясь в эмиграции, генерал А.Д. Нечеволодов написал книгу «Николай II и евреи» (1924 г.), где изложил основные «закулисные» аспекты борьбы сионизма и тайных иудео-масонских организаций с императорской Россией.

А.Д. Нечеволодов рассмотрел антирусскую деятельность известного американского миллионера еврейского происхождения Якова Шиффа, который активно занимался финансовой организацией революционного террора 1905 – 1907 гг., а затем предоставлял средства «русским революционерам» еврейского происхождения (Л.Д. Троцкому и др.), проживающим в Нью-Йорке для государственного переворота в России [43].

В изучении проблем международной антирусской деятельности генерал А.Д. Нечеволодов был не одинок. Русские черносотенцы неоднократно – в печати, с думской трибуны поднимали проблемы «иудео-масонского финансирования терроризма» в России. В.А. Грингмут писал: «Заграничные еврейские капиталисты отпускали им (здесь, террористам. – В.Е.) миллионы на русскую революцию с тем, чтобы она в течение года была закончена равноправием евреев, так чтобы уже на следующий год можно было бы обратно высосать эти миллионы из захваченного в еврейские когти Русского народа» [37, с. 293].

Г.Г. Замысловский: «Борьба с ненавистниками России». Г.Г. Замысловский (1870 – 1920) – надворный советник, депутат правой фракции Государственной Думы, активный участник право-монархического движения отмечал: «Евреи представляют собою государство в государстве, подчиненное своему

международному правительству. Они добились того, что этому международному еврейскому правительству служат, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, крупные христианские массы. На службе у евреев уже стоят социалисты – сами не понимая этого, на службе у евреев – уже гораздо более сознательно стоят все масонские организации» [39, с. 450 – 451].

Впоследствии, в наше время, проблемы активной финансовой, информационной и вооруженной поддержки террористов в России спецслужбами западных стран, поставленные генералом А.Д. Нечеволодовым и русскими черносотенцами, нашли свое осмысление в работах современных отечественных историков.

В.В. Розанов: «Террор против русского национализма». В.В. Розанов (1856 – 1919) – русский религиозный философ, литературный критик и публицист. После убийства террористами П.А. Столыпина (1911 г.) В.В. Розанов фактически перешел из либерального лагеря в патриотический и в статье «Террор против русского национализма» прямо назвал подлинных виновников «террористической войны». Он писал: «Нельзя не остановиться с вниманием на личности покушавшегося на жизнь П.А. Столыпина: это – еврей, сам богатый и сын богатого отца, далеко стоящий от «пролетарских кругов»... У него совершенно не было тех мотивов к террористическому акту, которые поднимают на ноги и раскаляют докрасна душу бедняка-рабочего или бедняка-студента... Социал-демократия здесь только прикраса. Человек своего племени только воспользовался оружием революции... Они не хотят примириться с главенством великорусского племени... Им мало того, что торговля, промыслы и ремесла частью перешли... в их руки... им хотелось бы вообще... стать над темным... населением в положение руководящего интеллигентного верхнего слоя» [45, с. 218 – 219].

Подчеркнем: определение специфики терроризма в России как «войны» или, вернее, как «террористической войны» было характерно в целом для лидеров право-монархического блока и русских писателей-патриотов.

Если обратиться к статистическим данным жертв террора, исследованных в наше время, то станет ясна объективность оценок русских правых. Историк «С.А. Степанов сообщил..., что согласно всецело достоверным сведениям: в

ходе первой... революции только эсеры, эсдеки... и анархисты убили более 5 тысяч правительственных служащих... В истории какой страны было нечто подобное?» [28, с. 132]. Американский историк Анна Гейфман, изучив архивные материалы, пришла к выводу, что за период с 1894 по 1917 год жертвами революционного терроризма в России стали примерно 17 тысяч человек [34].

М.О. Меньшиков: Исторический путь терроризма в России – от «цареубийства» к «народоубийству». М.О. Меньшиков (1859 – 1918) – ведущий публицист «Нового времени», один из основателей и идеологов Всероссийского национального Союза (расстрелян органами ЧК в 1918 году). В работах М.О. Меньшикова была дана развернутая характеристика антирусского и антигосударственного террора, наряду с которой были «пророчески» обозначены прообразы будущих последствий террора для России и русского народа. М.О. Меньшиков, как и большинство русских консерваторов, рассматривал проблему терроризма в контексте изучения «еврейского вопроса» и «русского ответа» на «еврейскую» революционно-террористическую войну.

Концептуально М.О. Меньшиков раскрыл сущность, потаенные цели и будущие результаты противогосударственной и антирусской террористической деятельности в следующих тезисах.

1. Идея цареубийства 1 марта 1881 года была разработана «Гольденбергом с Зунделевичем, Кобылянским, Квятковским и Михайловым... из двух евреев, двух поляков и одного русского... смертельная бомба под ноги Александра II была сделана в еврейской квартире и брошена поляком. Читая историю подготовки 1 марта, вы поминутно встречаете имена таких террористов, как Натансон, Дейч, Войнаральский, Айзик, Арончик, Аптекман, Девель, Хотинский, Бух, Колоткевич, Гельфман, Люстиг, Фриденсон, Цукерман, Лубкин, Гартман и пр.» [42, с. 132]. Здесь вполне очевидно раскрыта особенность цареубийства, который террористы, как известно, пытались придать интернациональный характер, а на деле, согласно М.О. Меньшикову, цареубийство имело доминантную национальную (еврейскую) составляющую.

Важно отметить то, как в еврейской среде реагировали на смерть или убийство русских царей. Приведем свидетельства современника о реакции евреев на смерть Николая I и на убийство Александра II: «Когда Николайка помер, то у евреев были радость, веселье; собирались тайком, поздравляли друг друга и радостно выпивали... теперь (после убийства Александра II, – *В.Е.*)... во время обычных бесед евреев в синагогах по пятницам я не слышал после убийства царя не одного дурного слова против социалистов... все говорили с уважением об «убийцах» – об их героизме, о чистоте их помыслов» [47, с. 131].

2. После цареубийства, отмечал М.О. Меньшиков, «прошло 30 лет... Вместо двух подстрекателей к цареубийству, евреев Гольденберга и Зунделевича, мы имеем бесчисленное множество..., которые даже состряпали проект для всеобщего нашествия евреев на Россию... В Государственную Думу внесено предложение о снятии черты еврейской оседлости... Чего доброго, наглейший план этот увенчается успехом: уж если для *цареубийства* евреи находили еще тридцать лет тому назад русских исполнителей, то найдут их теперь и для *народоубийства*. Не чужими руками, а нашими собственными они накинут петлю на свободу и жизнь русского народа» [42, с. 240 – 241]. В данном тезисе мы обнаруживаем прообраз геноцида русского народа, осуществленного «еврейскими большевиками» в годы Гражданской войны.

3. Оценивая революционные погромы 1905 – 1907 гг. М.О. Меньшиков писал: «Достаточно вспомнить имена главных вожаков нашей смуты: Гершуни, Рубанович, Гоц, Швейцер, Азеф, Чернов, Роза Бриллиант, Роза Люксембург... Все сплошь евреи... Убийство великого князя Сергея Александровича организовано Розой Бриллиант. Главорем московского вооруженного востания явился Мовша Струнский. Бунт на «Потемкине Таврическом» налажен Фельдманом. Группой максималистов социал-революционеров...заправляла Фейга Элькина... «совет рабочих депутатов», игравший некоторое время роль революционного правительства в Петербурге, руководился такой кампанией, как Бронштейн, Гревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Мацелев, Бруссер... Вот кто скрывался за кулисами «русской» революции» [43, с. 243].

4. В качестве общих доводов для объективной оценки руководства террором представителями еврейского сообщества М.О. Меншиков, как и многие русские монархисты, приводил и анализировал известные на то время статистические отчеты (нижеприведенные данные относятся к периоду 1901 – 1904 гг., т.е. к периоду подготовки революции).

Судебные округа	Процент евреев в населении	Процент евреев, привлеченных по политическим делам
Виленский	15,0	64,9
Варшавский	14,0	26,0
Одесский	13,5	55,0
Киевский	12,0	48,2
Петербургский	3,5	40,9
Харьковский	1,4	18,8
Иркутский	0,6	15,5
Тифлисский	0,6	1,4
Московский	0,4	7,5
Казанский	0,1	4,7
Саратовский	0,1	1,5

Изучив сводную таблицу Департамента полиции, о революционных преступлениях лиц из еврейской среды, М.О. Меншиков пришел к следующим выводам. «Из этой таблицы вы видите, что почти двойной преступностью в революционном отношении отличаются евреи только Варшавского округа. Более чем четырежды преступны они в Виленском, Одесском и Киевском округах, зато по сю сторону черты оседлости их преступность сразу увеличивается: в Петербургском округе она почти в 11 ½ преступнее нормы, в Харьковском – в 13 раз, в Саратовском – в 15 раз, в Московском – в 19 раз, в Иркутском – в 26 раз, в Казанском – в 47 раз... казалось бы, чего бунтовать евреям, которые уже пропущены в Центральную Россию... в отношении их черта оседлости снята. Но именно они-то и являются самыми яркими революционерами, они-то и выделяют из себя 10, 15, 20, 30-ти и 47 – кратное против их нормы количество бунтарей. Как это ни неожиданно для русских ротозеев, наименее враждебными к России оказываются евреи за чертой оседлости и наиболее воспаленными ненавистниками – те, которых мы имели роковую ошибку пропустить» [43, с. 244 – 245].

Таким образом, размах терроризма (охватил все губернии Российской империи), устойчивый рецидив террористической деятельности (более пятидесяти лет), значительное количество жертв террора (в годы первой антирусской революции от 15 до 18 человек убитыми ежедневно), социальная, национальная и религиозная направленность террора (против всех сословий и против «истинно-русских» людей, а также многочисленные убийства священников) – все это вместе позволяло черносотенцам вполне объективно типологизировать данное явление как «террористическую войну».

Для представителей черносотенства было вполне очевидно, что революционный террор представляет собой организованную «террористическую войну» на уничтожение русского православного государства, а идейными и практическими организаторами данного террора является революционная часть подданных российской империи иудейского вероисповедания.

Особо подчеркнем: как в оценках современников террористической войны, так и в оценках современных исследователей «еврейский вопрос стал стержнем русской жизни», именно с «еврейским вопросом» русские люди от царя до городского, от священника до крестьянина связывали массовый террор, захлестнувший всю Россию.

Император Николай II в письме к своей матери от 27 октября 1905 года писал: «Народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них евреи, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы. Поразительно с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России» [22, с. 54].

Командующий Черноморским флотом адмирал Г.П. Чухнин, выживший после того, как террористка Екатерина Измаилович тяжело ранила его, писал в Петербург: «подготовка морских команд к восстаниям производится евреями, все противоправительственные сходки устраиваются ими... евреи ведут к междоусобной войне, к самоуничтожению, на чем они хотят устроить свою силу» [17, с. 254 – 255].

«От городского до министра, от полицейского участка до Сената и Государственного совета, все и вся были поглощены еврейским вопросом... еврейский вопрос превратился буквально в центральный, чуть ли не роковой вопрос общественной жизни», – отмечает современный исследователь [48, с. 6].

Таким образом, не аграрный, не рабочий и не национальный вопросы были в центре русской истории пореформенного периода, а именно и исключительно «еврейский вопрос», т.к. все общество – от Царя до простого священника – прекрасно понимало, что если русский правящий класс не удержит власть, то ее обязательно захватят евреи.

В целом, в русской дореволюционной и эмигрантской патриотической печати были сформулированы определения исторической сущности феноменологии терроризма в России пореформенного периода. Приведем основные из них:

- «российское освободительное движение» – это информационное и идеологическое прикрытие тотального террора «инородцев» против русского государства, православной Церкви и русского народа;

- террористическая деятельность в России осуществлялась под руководством еврейского сообщества, финансируемого международным еврейским капиталом и спецслужбами западных стран, а также Турцией и Японией;

- основными, конечными целями террора были – свержение законной русской власти и установление антирусской диктатуры;

- социальной базой терроризма являлись в основном как инородцы-экстремисты, так и частично русские по происхождению из различных сословий;

- объектом антирусского террора были не только высшие чиновники Российской империи и государственные служащие, но и простые русские люди из крестьян, мещан, купечества, духовенства;

- террор сопровождался различного рода «экспроприациями» – ограблениями банков, почтовых вагонов, зарплатных касс и др.;

- деятельность Государственной Думы по предотвращению террора не была единой, депутатские фракции давали противоречивые оценки терроризма;

– правительственные меры по предотвращению террора являлись паллиативными и не смогли ликвидировать терроризм как явление, рецидив терроризма постоянно возобновлялся с новой силой;

– дарованные свободы «Манифестом 17 октября 1905 года» не устранили, а усилили террористическую деятельность из чего следует, что не получение «гражданских свобод» было главной целью революционеров-террористов, а уничтожение всего русского правящего класса.

Таким образом, общим результатом исследования феноменологии террора русскими мыслителями правого лагеря стала «теория заговора» внутренних и внешних врагов исторической России, «заговора», направленного на уничтожение русского государства и «порабощение» русского православного народа.

Развитие концепции «Террористической войны в России» в трудах современных историков и писателей патриотического направления. Следует отметить: в центре исследований историков-патриотов проблем антирусского террора, также, как и у представителей «черной сотни», является «еврейский вопрос», посредством анализа которого открывается историческая достоверность различных проявлений «террористической войны в России».

А.И. Солженицын: «Передовой отряд разрушения русской монархии». В своем историческом исследовании «Двести лет вместе» А.И. Солженицын выступил как историк-патриот и посвятил целую главу о роли евреев в «российском революционном движении». Общая схема, представленная автором, выглядит следующим образом: 1) постепенное внедрение еврейской молодежи из «черты оседлости» в революционные кружки; 2) активное участие евреев в организации народнического движения, затем в анархизме, в марксизме и др.; 3) создание собственных еврейских революционных организаций (Бунд, Поалей-Цион, Цеирей-Цион, «сионисты-социалисты», «серповцы» и др., 4) доминирование евреев в революционном движении в целом и фактическое руководство практикой террористической деятельности.

В результате А.И. Солженицын пришел к оценке роли революционного еврейства в организации антирусского террора, как основной, «передовой» силы:

«евреям как будто ну никак не разумно было связываться с революционным движением, погубившим нормальную жизнь в России, а с нею ведь и жизнь российских евреев. Однако: и в разрушении монархии, и в разрушении буржуазного порядка, как и в утверждении его перед тем, евреи также послужили передовым отрядом» [14, с. 252].

О.А. Платонов: «Отечественная война русского народа против внутренних врагов». О.А. Платонов рассматривает русское «всенародное сопротивление» революционному терроризму как отечественную войну по «защите самодержавия» в России. С точки зрения О.А. Платонова «либерально-масонское подполье», поднявшие восстание против законной государственной власти не учло главного: что русский народ решительно поднимется на защиту самодержавного строя и опрокинет революционных экстремистов.

Многочисленное участие простого русского народа в борьбе с революционными бандами, а также *православно-самодержавный патриотизм* русского народа позволили О.А. Платонову типологизировать данное явление как «отечественную войну» русских людей по защите своего государства. Именно народное сопротивление террористам, согласно О.А. Платонову, способствовало подавлению антирусской революции 1905 – 1907 гг.

Самое существенное в концепции О.А. Платонова относится к прояснению методов и форм борьбы русского народа с «внутренними врагами». Русские люди в ходе противостояния «врагам отечества» выработали следующие методы борьбы: массовые облавы совместно с казаками и полицией на «шайки революционных бандитов»; народные расправы с главарями революционного движения; избиение интеллигентов, лишенных национального самосознания; уличная борьба с вооруженными революционерами: создание народных патрулей и групп патриотически настроенной общественности; разгром квартир, снятых террористами, подпольных типографий и лабораторий по производству взрывчатых веществ; поджоги зданий, в которых забаррикадировавшиеся террористы, отстреливались и не сдавались; разгром антиправительственных демократических

митингов, сходок и собраний, а также редакций революционных газет; полный бойкот иудейской торговли.

«Всего, – отмечает О.А. Платонов, – в результате отечественной войны русского народа против внутренних врагов численность революционных террористов снизилась примерно на 4 тыс. человек, а около 20 тыс. в панике бежали за границу» [22, с. 54].

Стоит подчеркнуть: «Союз Русского Народа» и другие черносотенные организация, особое значение придавали проблеме решения участия евреев в революционном движении. «Союз Русского Народа» обязал своих представителей в Государственной думе требовать следующее: «1. Чтобы все проживающие в России евреи были немедленно признаны иностранцами... 2. Чтобы евреи не могли быть допущены ни в армию, ни во флот, ни военнослужащими, ни по вольному найму, ни в интеллигенцию... 3. Немедленное восстановление строгой черты еврейской оседлости в прежних пределах... 4. Недопущение евреев во все учебные заведения... 5. Недопущение евреев... в Государственный Совет и Государственную думу... 6. Воспрещение содержать аптеки и аптекарские магазины... 7. У евреев, уличенных в участиях в революционных действиях, – конфискация всякого имущества... 8. Недопущение евреев ни в редакторы, ни в издатели... 9. Воспрещение евреям – иностранным подданным пребывать в России» [22, с. 60 – 61].

В целом русские черносотенные организации предлагали царскому Правительству ускорить процесс переселения евреев в Палестину и именно в решении «еврейского вопроса» им виделось освобождение России от революционного террора.

В.И. Бояринцев: «Черта оседлости – гнездо терроризма». Существуют ли объективные исторические данные, подтверждающие тезис русского ученого о «черте оседлости» как «гнезде терроризма». Обратимся к статистике.

В черносотенной литературе со ссылками на сведения Департамента полиции приводился процент преступлений, совершаемых евреями, в сравнении с другими народностями. Так, доля евреев, осужденных за приведенные ниже преступления (Общественная роль еврейства в цифрах и фактах // Русское Дело.

1905. №28.) составляла весьма значимую процентную норму: «подделку кредитных билетов – 94,6%, общественный соблазн (содержание домов терпимости, выпуск порнографии и т. д.), – 93,7%, преднамеренное банкротство – 92,1, лжеприсяга, лжесвидетельство – 86,7%, скупка краденого – 79,7%, мошенничество – 78,95, преступления против народного здоровья – 73%, против воинской повинности – 72%, против благоустройства – 68,6%, против порядка и управления – 68,5%, против спокойствия и безопасности – 62,1%, нарушение уставов казенного управления – 61%, преступления в печати – 59,4%, пользование чужим имуществом – 58,7%, недонесение о преступлении – 57,9%» [26, с. 148 – 149].

Приведенные данные наглядно показывают такой высокий процентный уровень преступности среди еврейского сообщества, что становится вполне очевидно, что «черта оседлости» представляла собой не только «гнездо терроризма», но и «гнездо» российской преступности в целом.

Распространение терроризма в Российской империи исследователи связывают с беспрецедентным кровопролитием. Из черты оседлости, отмечает В.И. Бояринцев, ряды террористов пополнялись не только мужчинами, а также женщинами и подростками: «Геся Гельфман... участвовала в подготовке покушения на императора Александра II; Фрумкина Фрума Мордуховна – в 1903 году в Киеве пыталась перерезать горло генералу Новицкому, в 1907 году арестована в Москве... по обвинению в покушении на московского градоначальника; Школьник Маня Марковна – в 1906 году покушалась на Черниговского генерал-губернатора..., Измайлович Александра Адольфовна – в 1906 году стреляла в минского полицмейстера; Дора Бриллиант... участвовала в подготовке покушения на великого князя Сергея Александровича; Измайлович Екатерина Адольфовна – в 1905 году стреляла в командующего Черноморским флотом... еврейский мальчик в Гомеле в июне 1904 года плеснул серной кислотой в лицо полицейскому» [15, с. 215 – 216].

Американский историк Анна Гейфман приводит следующие данные: «К 1900 году почти 30% всех лиц, арестованных за политические преступления, составляли евреи... среди членов революционных партий евреи составляли почти 50%» [34, с. 47].

В.И. Бояринцев в своем исследовании ясно показал, что практически все революционные партии в России, использовавшие тактику террора, были образованы при активном участии российского еврейства.

Бунд – «Всеобщий еврейский союз» избрал террористическую тактику в основном в «еврейских местечках». Бундовцы стреляли в правительственные войска во время забастовок, прибегали к террору для срыва выборов в Государственную Думу. Наиболее известным террористическим актом Бунда было покушение Гирша Лекерта в губернатора Вильно в 1902 году. Именно в Бунде был разработан план организации вооруженных «отрядов еврейской самообороны», которые получали оружие и боеприпасы по каналам международной еврейской контрабанды и часто занимались политическим терроризмом против правительства.

Анархистские террористические группы с 1903 года активно проводят свою экстремистскую деятельность: политические убийства, покушения, взрывы, вооруженные нападения, политические грабежи. Лидерами анархистских групп первоначально были: Мендель Дайнов, Георгий и Лидия Гогелия.

Становление социал-демократического движение в России возглавляли такие деятели, как: Д. Кольцов-Гинзбург, Э. Абрамович, Ю. Мартов-Цедерба-ум, А. Крамер, Ф. Дан-Гурвич, М. Ляховский, Б. Эйдельман, Ю. Стеклов-Нахамкес, Д. Рязанов-Гольдендах, М. Винокур, Л. Аксельрод-Ортодокс, Ф. Годлевский, Д. Розенблюм, Ц. Копельзон, Л. Айзенштад-Левинсон и др.

«В партии социалистов-революционеров, основанной в начале двадцатого столетия, в числе организаторов которой были Михаил Гоц и Григорий Гершуни, активными деятелями были евреи С. Раппопорт, Х. Житловский, О. Минор, И. Рубанович, М. Натансон» [15, с. 225].

«Первый съезд РСДРП был организован еврейской националистической организацией «Бунд» и проходил в Минске в ее резиденции... В переходе к массовому терроризму имеется интересная деталь – бомбы, которыми была взорвана дача Столыпина, изготавливались в большевистской динамитной мастерской!», – отмечает В.И. Бояринцев [15, с. 227].

Понимая, что революционные партии и террористические бандформирования в своей основе имеют мощную еврейскую составляющую, Сенат указом от 1 июня 1907 года, совершенно правомерно, запрещает сионистское движение в России.

Таким образом, черта оседлости представляла собой источник формирования революционно-террористических кадров. Причем, как показывают исследования современных русских историков, кадры террористов из черты оседлости формировались не спонтанно, а в результате так называемых «кагальных решений», т.е. с общего одобрения и поддержки «совета еврейских общин».

В.Е. Шамбаров: Террористы «пятой колонны Российской империи». Историк В.Е. Шамбаров и Е.Н. Чавчавадзе затронули некоторые аспекты антирусской деятельности спецслужб США и Англии. Например, известный террорист С.М. Степняк-Кравчинский, зарезавший в России шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцева, сумел скрыться за границей и вел агитационную и антиправительственную деятельность в Лондоне. Царское правительство требовало его экстрадиции, но из Англии террористов не выдавали.

Степняк-Кравчинский, при поддержке американского журналиста Джорджа Кеннана, создал антирусскую организацию «Общество друзей русской свободы». При активном участии Д. Кеннана была разработана система побегов русских революционеров с каторги и мест ссылки. Впоследствии «Общество друзей русской свободы» было создано и в США (возглавили Эдмунд Нобл и Лазарь Гольденберг), которое финансировал еврейский банкир Якоб Шифф.

Е.Ф. Глушков: «Штурм сионистами и их пособниками русской власти и всенародный отпор им». Историк-фронтовик Е.Ф. Глушков, как и другие историки-патриоты, со всей очевидностью показывает специфику «антирусского заговора», руководство которым осуществлял «мировой сионизм».

Как полагает исследователь, «главной силой антирусских революций выступал не русский или интернациональный пролетариат и не классовая борьба, а антирусский национализм малых народов России, среди которых евреи занимали

подавляюще главенствующую роль... эта сила не могла выступать ни в какой другой форме, кроме заговора» [17, с. 104 – 105].

Заговор как форма борьбы с традиционной Россией осуществлялся как совместная подрывная деятельность всех антирусских сил, а именно: спецслужбами западных держав, масонством, сионистами, объединением всех революционных партий и другими способами. Так, отмечает исследователь, «в 1900 г. руководитель русской заграничной агентуры П.И. Рачковский сообщал из Парижа в Петербург о том, что представители всех российских партий и кружков... собрались на общем съезде в Женеве. Там было принято решение начать общие активные революционно-террористические действия против российских властей всех уровней... усилившиеся и сплотившие сионисты, поддерживаемые русскими недоумками и выходцами других народов, начали прощупывать новую власть на прочность» [17, с. 115].

Е.Ф. Глушков пришел к выводу, что начиная с 1900 года и вплоть до 1913 года начался новый этап антирусского террора – или «бундо-эссеровского», «анархистского» и «большевистского» террора XX века, организованный мировым сионизмом.

В.В. Большаков: Террор «с кошерной бомбой за пазухой». В исследовании историка раскрыта специфика террористической деятельности так называемых боевых отрядов «еврейской самообороны». «При подготовке революции 1905 года, – отмечает автор, – сионисты договорились с богатыми евреями в России и за границей о финансировании отрядов еврейской самообороны. Уже в 1903 г. и, в особенности, в 1904 – 1905 гг., самооборона финансировалась во многом богатыми евреями. Оружие для еврейских боевых групп в России закупали и еврейские организации других стран, например, общество самообороны, созданное И.Л. Магнесом в США в 1903 г.» [16, с. 229].

Отряды еврейской самообороны активно сотрудничали с боевиками партии эсеров и с боевыми дружинами большевиков. Общее управление осуществлял военно-боевой центр при ЦК РСДРП (б). Это был единый центр управления террором в Российской империи.

Особое значение в понимании сущности террора имеет осмысление деятельности В.И. Ленина, которого В.В. Большаков рассматривает как одного из главных организаторов антирусского террора. «Начиная с осени 1905 г. Ленин не раз отдавал приказ о подготовке терактов... призывал своих сторонников совершать нападения на городских и прочих государственных служащих, убивать полицейских и жандармов, черносотенцев и казаков, взрывать полицейские участки, обливать солдат кипятком, а полицейских – серной кислотой. Этим... занимались в Сибири боевики из группы... во главе с Я. Свердловым... их боевым девизом была «еврейская месть» [16, с. 231].

Р.Т. Ключник: «Первая террористическая война в России 1878 – 1881 гг.» и «Вторая террористическая война в России 1901 – 1906 гг.». Роман Ключник – российский писатель, философ, историк патриотического направления, собрание сочинений которого насчитывает 13 книг по различным аспектам «потайной истории» российского государства. Концепция «террористической войны в России» изложена автором в третьей и четвертой книгах [19 – 20].

Необходимо подчеркнуть, что концепция Р. Ключника претендует на уровень обобщения ранее существовавших взглядов на террор против русского национального государства, которые содержались как в произведениях русской черносотенной мысли дореволюционного периода, так и в сочинениях представителей русской монархической эмиграции. Также концепция Р. Ключника обобщает взгляды современных историков и писателей патриотического направления, исследовавших проблему антигосударственного террора в России.

Автор выделяет два подготовительных этапа террористической войны в России. Первый этап (1878 – 1881 гг.) – это формирование идеологического, экономического и вооруженного базиса свержения русской государственной власти посредством террора. Второй этап (1901 – 1906 гг.) – или вторая попытка террористическим путем свергнуть законную власть в России. Также, с точки зрения Р. Ключника, существует «третий террористический этап» по «окончательному захвату России», начатый «мировой закулисой» в 1917 году: 1) корабль из Англии с террористами во главе с П. Карповичем, убившим министра

просвещения Н.П. Боголепова, который был торпедирован немецкой подводной лодкой – все террористы погибли; 2) опломбированные вагоны из Германии с революционерами-террористами во главе с В. Лениным; 3) корабль из США с вооруженными террористами во главе с Л. Троцким.

Революционный терроризм в России Р. Ключник рассматривает как общую идеологическую базу всех антирусских революционных партий и группировок: от народников до эсеров, анархистов, бундовцев, большевиков и др. «В 1883 году по инициативе Л. Дейча, П. Аксельрода и Г.В. Плеханова была создана группа «освобождение труда», в которую также входили новые россияне: Израиль Гельфанд (он же Парвус – будущий банкир террористов) Давид Гондельдах... Рафаил Соловейчик, Соня Шенцис, Левинтис, Шефтель... – многие из них дошли в своем кровавом шествии до революции 1905 г. и до победного конца в 1917 г.» [19, с. 382].

Все революционные еврейские организации и многочисленные еврейские партии, по Р. Ключнику, следует исследовать в рамках «единого еврейского движения» против российской власти (все они имели «вооруженные отряды», «боевиков» и активно участвовали в убийствах русских чиновников, черносотенцев и простых русских людей, в нападениях на полицию и воинские формирования). «Сионисты в России стали террористами..., еврейские лидеры разжигали местный и национальный сепаратизм, стремясь противопоставить власти нерусские народности и развалить государство», – таков общий вывод русского историка [20, с. 128].

«Антитеррористические народные погромы», согласно Р. Ключнику, фактически были формой «локальной русско-еврейской войны». Так, например в Одессе в октябре 1905 года проходило русское монархическое шествие, на которое совершили вооруженный налет «отряды еврейской самообороны», «в толпу манифестантов произведено несколько выстрелов... убит мальчик, несший икону...затем была встречена... выстрелами и подошедшая рота... в манифестантов было брошены... разрывные снаряды... таким снарядом было убито 6 человек...все полицейские чины, считая евреев виновниками всяких политических

смут и революционерами, вполне сочувствовали совершающемуся погрому еврейского населения, не считая даже нужным скрывать этого» [20, с. 139].

Почему антирусские силы, поддержанные «мировой закулисой», не победили в первой и второй террористической войне? Ответ Романа Ключника состоит в следующем: «низшие классы русского народа не были достаточно одурманены и испорчены, были еще... духовно здоровы и сами смогли оказать в сотнях случаях сопротивление врагам..., часть интеллигенции еще помнила дух Ф.М. Достоевского, внимательно читала Нилуса... и даже смогла создать несколько патриотических организаций против врагов в защиту национальной власти..., в этот период в России была такая выдающаяся личность как П.А. Столыпин, который... ввел «скорострельные» суды» [20, с. 198].

Выводы. Русские мыслители как «правого лагеря», так и наши современники давали во многом сходные определения исторической сущности феноменологии антигосударственного терроризма в России. Данные определения можно разделить на две группы.

Первая группа (определения дореволюционных и эмигрантских авторов): А.С. Шмаков – «иудейская революция» или «революция кагала»; В.В. Розанов – «террор против русского национализма»; Н.Е. Марков – «история еврейского штурма России».

Вторая группа (определения наших современников): А.И. Солженицын – «еврейская революционная работа»; О.А. Платонов «война с внутренним врагом»; Е.Ф. Глушков «штурм сионистами русской власти»; В.Е. Шамбаров «террор пятой колонны в Российской империи»; В.И. Бояринцев «черта оседлости – гнездо терроризма»; Р. Ключник «террористическая война в России».

В заключении необходимо выделить два основных момента. Во-первых, в основе исторических исследований проблем терроризма в России пореформенного периода необходимо методологически рассматривать *террор как форму геноцида русского народа*. А все методы и способы борьбы против террора, проводившиеся как со стороны государственной власти, так и со стороны русского патриотического движения как *форму защитного национализма*.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в патриотической литературе 1990-х и 2000-х годов накопилось такое значительное число фактологического материала, что его «критическая масса» полностью опрокидывает всякие попытки современных либеральных историков и дальше проводить исследования проблем терроризма в Российской империи в рамках концепции «российского освободительного движения».

Концепция «освободительного движения» не выдерживает никакой критики и со всей очевидностью должна быть опровергнута, признана русофобским историческим учением, мифологизирующий исторический процесс. На смену концепции «российского освободительного движения» приходит концепция «террористической войны в России».

Список литературы

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XX – начало XX в.). – начало XX в.). – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 383 с.
2. Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье (Евреи и русская революция) [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Evr3-Stat.htm>. (дата обращения: 20.05.2019).
3. Баландин Р.К. Тайные общества русских революционеров. – М.: Вече, 2007. – 416 с.
4. Индивидуальный политический террор в России: XIX – начало XX века. // Материалы конференции – М.: Мемориал, 1996. – 182 с.
5. Кан Н.А. Народная воля: идеология и лидеры: идеология и лидеры. – М.: Пробел, 1997. – 196 с.
6. Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901 – 1911 гг.) – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 224 с.
7. Леонов М.И. Партия социалистов революционеров в 1905 – 1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.

8. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 624 с.
9. Одесский М.П. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования / М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. – М.: Российск. гос. гуманит. ун – т., 1997. – 203 с.
10. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. – : Издательство Саратовского университета, 2002. – 370 с.
11. Щербакова Е.И. «Отщепенцы»: Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) – М.: Новый Хронограф: АИРО – XXI, 2008. – 224 с.
12. Платонов О.А. Еврейский вопрос в русском государстве. – М.: Родная страна, 2013. – 400 с.
13. Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1136 с.
14. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.
15. Бояринцев В.И. «Черта оседлости» и русская революция. – М.: Алгоритм, 2017. – 320 с.
16. Большаков В.В. С Талмудом и красным флагом. Тайны мировой революции. – М.: Алгоритм, 2013. – 288 с.
17. Глушков Е.Ф. Отбитый штурм: 1910 – 1913 гг. – М.: Русская правда – 416 с.
18. Козенков Ю.Е. Голгофа России. Завоеватели. – М.: Фонд национальных перспектив, 2001. – 488 с.
19. Ключник Р. Террористическая война в России 1878 – 1881 гг. Книга 3. – СПб.: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2018. – 396 с.
20. Ключник Р. Вторая террористическая война в России 1901 – 1906 гг. Книга 4. – СПб.: ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2018. – 304 с.
21. Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. – М.: Альмах «Русская идея», 1999. – 736 с.
22. Платонов О.А. Война с внутренним врагом. – М.: Алгоритм, 2012. – 1296 с.

23. Платонов О.А. Предисловие // Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – С. 5–21.
24. Стариков Н.В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. – СПб: Питер, 2001. – 288 с.
25. Шамбаров В.Е. «Пятая колонна» Российской империи. От масонов до революционеров. – М.: Алгоритм, 2016. – 304 с.
26. Кожин В.В. Правда «Черной сотни». – М.: Эксмо, Алгоритм – 384 с.
27. Лебедев С.В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 576 с.
28. Степанов А.Д. Черная сотня: взгляд через столетие. – СПб., 2000. – 138 с.
29. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? – М.: Яуза-пресс, 2013. – 672 с.
30. Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 672 с.
31. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века – СПб: Царское дело, Русская народная линия, 2015. – 736 с.
32. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1136 с.
33. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900 – 1917. – М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
34. Зыкин Д. Террористическая война против империи. Из архивов царского правительства / Д. Зыкин, С. Куликов. – М.: Алгоритм, 2018. – 400 с.
35. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894 – 1917. – М.: Крон-пресс, 1997. – 448 с.
36. Величко В.Л. Русские речи. – М.: Институт русской цивилизации – 400 с.
37. Булацель П.В. Борьба за правду – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 704 с.
38. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 544 с.

39. Жеденов Н.Н. Гроза врагов русского народа. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 704 с.
40. Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 720 с.
41. Крушеван П.А. Знамя России. – М.: Институт русской цивилизации – 720 с.
42. Марков Н.Е. Войны темных сил. – М.: Фонд ИВ, 2008. – 536 с.
43. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М.: Москва, 2005. – 560 с.
44. Нечволодов А.Д. Император Николай II и евреи. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 400 с.
45. Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
46. Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). – М.: Республика, 2011. – 413 с.
47. Шмаков А.С. Свобода и евреи. – Таллин: ГИНРТАРС, 2000. – 679 с.
48. Соблазн социализма. Революция в России и евреи. – Париж-М.: YMCA-PRESS, Русский путь, 1995. – 526 с.
49. Миндлин А.Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с.
50. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. – СПб.: Хорос, 1992. – 286 с.
51. Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. – М.: Голос, 1995. – 376 с.

References

1. Budnitskii, O. V. (2016). Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraia polovina KhKh., 383. М.: Politicheskaia entsiklopediia.
2. Budnitskii, O. V. V chuzhom piru pokhmel'e (Evrei i ruskaia revoliutsiia). Retrieved from <http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Evr3-Stat.htm>.
3. Balandin, R. K. (2007). Tainye obshchestva russkikh revoliutsionerov., 416. М.: Veche.

4. (1996). Individual'nyi politicheskii terror v Rossii: KhIKh. Materialy konferentsii, 182. M.: Memorial.
5. Kan, N. A. (1997). Narodnaia volia: ideologiya i lidery., 196. M.: Probel.
6. Kvasov, O. N. (2005). Revoliutsionnyi terrorism v Tsentral'nom Chernozem'e v nachale KhKh veka (1901., 224. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.
7. Leonov, M. I. (1997). Partiya sotsialistov revoliutsionerov v 1905., 512. M.: ROSSPEN.
8. Morozov, K. N. (1998). Partiya sotsialistov-revoliutsionerov v 1907., 624. M.: ROSSPEN.
9. Odesskii, M. P., & Fel'dman, D. M. Poetika terrora i novaia administrativnaia mental'nost': ocherki istorii formirovaniia., 203.
10. Troitskii, N. A. Krestonostsy sotsializma., 370.
11. Shcherbakova, E. I. (2008). "Otshchepentsy": Put' k terrorizmu (60-80-e gody KhIKh veka)., 224. KhKhI.
12. Platonov, O. A. (2013). Evreiskii vopros v russkom gosudarstve., 400. M.: Rodnaia strana.
13. (2013). Kniga Russkoi Skorbi. Pamiatnik russkim patriotam, pogibshim v bor'be s vnutrennim vragom., 1136. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
14. Solzhenitsyn, A. I. (2001). Dvesti let vmeste., 512. M.: Russkii put'.
15. Boiarintsev, V. I. (2017). "Cherta osedlosti" i russkaia revoliutsiia., 320. M.: Algoritm.
16. Bol'shakov, V. V. (2013). S Talmudom i krasnym flagom. Tainy mirovoi revoliutsii., 288. M.: Algoritm.
17. Glushkov, E. F. Otbityi shturm: 1910., 416.
18. Kozenkov, Iu. E. (2001). Golgofa Rossii. Zavoevateli., 488. M.: Fond natsional'nykh perspektiv.
19. Kliuchnik, R. (2018). Terroristicheskaiia voina v Rossii 1878., 396. SPb.: OOO "SPb SRP "Pavel" VOG".

20. Kliuchnik, R. (2018). Vtoraia terroristicheskaia voina v Rossii 1901., 304. SPb: OOO "SPb SRP "Pavel" VOG".
21. Nazarov, M. V. (1999). Taina Rossii. Istoriosofiia KhKh veka., 736. M.: Al'makh "Russkaia ideia".
22. Platonov, O. A. (2012). Voina s vnutrennim vragom., 1296. M.: Algoritm.
23. Platonov, O. A. (2013). Predislovie. Kniga Russkoi Skorbi. Pamiatnik russkim patriotam, pogibshim v bor'be s vnutrennim vragom, 5-21. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
24. Starikov, N. V. (2001). Kto finansiruet razval Rossii? Ot dekabristov do modzhahedov., 288. SPb: Piter.
25. Shambarov, V. E. (2016). "Piataia kolonna" Rossiiskoi imperii. Ot masonov do revoliutsionerov., 304. M.: Algoritm.
26. Kozhinov, V. V. Pravda "Chernoi sotni"., 384.
27. Lebedev, S. V. (2007). Slovo i delo natsional'noi Rossii. Ocherki istorii russkogo patrioticheskogo dvizheniia., 576. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
28. Stepanov, A. D. (2000). Chernaia sotnia., 138. SPb.
29. Stepanov, S. A. (2013). Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichii Rossii?., 672. M.: Iauza-press.
30. Stogov, D. I. (2012). Chernosotentsy., 672. Algoritm.
31. Pravaia Rossiia. Zhizneopisaniia russkikh monarkhistov nachala KhKh veka., 736.
32. (2011). Sviatye chernosotentsy. Sviashchennyi Soiuz Russkogo Naroda., 1136. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
33. Chernaia sotnia. Istoricheskaia entsiklopediia 1900., 640.
34. Zykin, D., & Kulikov, S. (2018). Terroristicheskaia voina protiv imperii. Iz arkhivov tsarskogo pravitel'stva., 400. M.: Algoritm.
35. Geifman, A. (1997). Revoliutsionnyi terror v Rossii, 1894., 448. M.: Kronpress.
36. Velichko, V. L. Russkie rechi., 400.
37. Bulatsel', P. V. (2010). Bor'ba za pravdu., 704. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.

-
38. Gringmut, V. A. (2008). *Obediniates', liudi russkie.*, 544. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
39. Zhedenov, N. N. (2013). *Groza vragov russkogo naroda.*, 704. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
40. Zamyslovskii, G. G. (2013). *V bor'be s nenavistnikami Rossii.*, 720. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
41. Krushevan, P. A. *Znamia Rossii.*, 720.
42. Markov, N. E. (2008). *Voiny temnykh sil.*, 536. M.: Fond IV.
43. Men'shikov, M. O. (2005). *Pis'ma k russkoi natsii.*, 560. M.: Moskva.
44. Nechvolodov, A. D. (2012). *Imperator Nikolai II i evrei.*, 400. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
45. Nikol'skii, B. V. (2009). *Sokrushit' kramolu.*, 464. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.
46. Rozanov, V. V. (2011). *Sobranie sochinenii. Terror protiv russkogo natsionalizma (Stat'i i ocherki 1911 g.).*, 413. M.: Respublika.
47. Shmakov, A. S. (2000). *Svoboda i evrei.*, 679. Tallin: GINRTARS.
48. (1995). *Soblazn sotsializma. Revoliutsiia v Rossii i evrei.*, 526. Russkii put'.
49. Mindlin, A. B. (2015). *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi imperii i evreiskii vopros.*, 448. SPb.: Aleteiia.
50. Shul'gin, V. V. (1992). *"Chto nam v nikh ne nravitsia...": Ob antisemitizme v Rossii.*, 286. SPb.: Khoros.
51. Koshel', P. A. (1995). *Istoriia nakazanii v Rossii. Istoriia rossiiskogo terrorizma.*, 376. M.: Golos.
-

Ермаков Вячеслав Алексеевич – канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Россия, Москва.

Ermakov Vyacheslav Alekseevich – candidate of philosophical sciences, associate professor at the FSBEI of HE "Plekhanov Russian university of economics", Russia, Moscow.